

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ КАК ПРАВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН¹

Проблематика сущности, назначения и эволюции публичной, в частности государственной власти является центральной, основополагающей в гуманитарной науке. От того как мы понимаем эту категорию, какое содержание мы в неё вкладываем, какие ценностно-нормативные и мировоззренческие аспекты стоят за этим понятием, зависит во многом и те политические стратегии, которые выстраивают субъекты, специфика функционирования и взаимодействия политических акторов, особенность государственно-правового процесса. Сложность и неоднозначность этого феномена вызывали, и будут вызывать и дальше целый массив теорий и подходов, пытающихся схватить и адекватно описать существо властных отношений. Проблема осложняется ещё и тем, что кроме универсальных признаков, которые вкладывают в понятие государственная власть, это явление обладает ещё целой системой специфических, социально-культурных характеристик. Нет, наверное, на сегодняшний день более связанных и взаимообуславливающих явлений, чем государственная власть, политика, право и культура. Для понимания последних недостаточно выделить универсальные признаки каждого, нужно учитывать их социокультурную специфику и тесную взаимосвязь.

Поэтому обращение к проблеме сущности, политической и социокультурной динамики государственной власти всегда будет актуальным и востребованным исследовательским проектом. В аспекте исследовательскую *стратегию*, направленную на познание самостоятельности и целостности национальной системы государственной власти (в единстве ее временного и пространственного развития) можно обозначить как *правокультурную*. Термин

¹ Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ №12-33-01274 а2 («Национальные и провинциальные закономерности развития российской государственной власти: правокультурный анализ»).

«правокультурный» используется в данном случае в качестве узкого феномена, а именно элемента более общей системы – культурной целостности, напрямую связанного с формированием юридической мыследеятельности и социокультурного стиля публично-властного взаимодействия в системе личность-общество-государство.

В качестве *гипотезы* можно сформулировать следующее положение: правокультурные исследование выступает конкретизацией цивилизационного подхода к праву, направленного на социокультурное понимание права, различных юридических явлений и государственно-правовых процессов, становящихся, развивающихся и преемственно воспроизводящихся в определенной национально-культурной целостности. Причем акцентуация на правокультурный срез позволяет: *с одной стороны*, анализировать эволюции отечественной системы государственной власти в качестве целостного социокультурного (цивилизационного по типу и форме) феномена, несмотря на различные повороты (случайности, эволюционные скачки и т.п.) в ее развитии; *с другой* – нивелировать (или по крайней мере свести к минимуму) «исследовательские издержки», возникающие при реализации цивилизационной стратегии познания права и государства.

Последнее, как правило, связано с двумя обстоятельствами. *Во-первых*, в ряд аналитиков напрямую (осознано) или косвенно цивилизационный подход к праву сводят к идентификации критериев и качественных характеристик цивилизованности самой государственно-правовой системы. В этом контексте правовые системы, отбрасывая все нюансы в интерпретации и типологизации, дифференцируются на цивилизованные (современные, развитые и т.д.) и не цивилизованные (отсталые, традиционные, слаборазвитые). При этом основные теоретико-методологические положения в этом контексте сводятся к выделению центральных, продвинутых правовых цивилизаций, выступающих образцом, идеалом современности и тех пространств, которые только лишь «вступили на дорогу цивилизованного развития».

Во-вторых, это технократическая трактовка цивилизационной уникальности, направленной на выделение организационно-правовых, институциональных и практических (разнообразные публично-правовые практики взаимодействия в системе личность – общество – государство) элементов правой жизни общества, без должного внимания к тому, что является содержанием этой уникальности. Справедливо в этом плане отмечает В.В. Аверьянов, что «цивилизация без традиции предстает как инфраструктурная машина с отлаженной системой управления, но без управляющего ею (на что, собственно, и указывает немецкое направление критики феномена “цивилизация”). В соединении традиции и цивилизации в единый комплекс есть схватывание сущности реальных социальных систем. В этой категории подчеркивается («традиция-цивилизация» или «традиция-система» - А.М.) историко-типологическое единство традиций и комплекса всех (традиционных и нетрадиционных) явлений, из которых складывается дочерняя по отношению к ней цивилизация» [1, 103 - 104].

Поэтому с нашей точки зрения необходимо развитие научного направления, которое предполагает комплексный анализ государственной власти как правокультурного феномена, включающего три основных раздела: 1) теория государственной власти (или политическая энциклопедия государственной власти); 2); идейно-концептуальные (доктринальные) основы развития системы государственной власти; 3) институционально-нормативная теория организации и функционирования государственной власти. Безусловно, и то, что сам феномен государственной власти также привязан к определенному временному геополитическому и геояридическому континууму, в рамках которого последний получает свой бытийственный статус в шести взаимосвязанных проекциях:

- *во-первых*, в *ценностно-нормативной* (аксиологической), отражающей социокультурный аспект, влияющий на идейно-теоретическое, доктринальное, идеологическое и понятийно-смысловое восприятие, понимание и ин-

терпретацию сущности, социальной роли и значения государственной власти, определяет ее устойчивость и легитимность;

- *во-вторых, в структурно-функциональном*, в этом контексте государственная власть связывается с устойчивой системой публичных институтов власти, ее структурно-функциональными характеристиками, публичными и скрытыми моделями взаимоотношений и взаимосвязей в системе осуществления государственной власти, а также с вопросами оптимальности, адекватности и эффективности ее функционирования, регулирования общественных отношений, реализации интересов и потребностей, доминирующих в системе «личность – общество – государство», разрешения конфликтов и противоречий;

- *в-третьих, в институционально-нормативном*, здесь государственная власть рассматривается в качестве системы легальных полномочий, составляющих содержание государственной власти, осуществляемой для достижения законодательно определенных целей;

- *в-четвертых, в инструментально-технологической*, согласно которому государственная власть анализируется как система организационных, материальных и символических ресурсов, необходимых для реализации управленческим аппаратом своих функциональных целей и задач, в качестве особого субъекта политической деятельности участвующего в накоплении, обмене и реализации вышеуказанных ресурсов;

- *в-пятых, в социологической*, в этом аспекте система государственной власти рассматривается, с одной стороны, как взаимосвязанная совокупность специфических политических практик, направленных на осуществление публичной власти в обществе, а с другой – интерпретируется с точки зрения адекватности последней социальным структурам и культурным контекстам, а также возможности реализации социально ориентированной правовой политики, управленческих решений, учитывающих национально-культурные особенности;

- *в-шестых, в геополитической*, государственная власть рассматривается в качестве суверенной политической организации на определенной территории, обладающей верховенством, единством и социально-политической целостностью.

С учетом выделенных элементов познания государственной власти как социально-политического и публично-правового феномена можно сформулировать рабочее определение последнего. При этом подчеркнем, что государственная власть как сложный правокультурный феномен выступает *специфическим видом (звенем) общей системы публичной власти*, которую реализуют различные политические субъекты (политические партии и движения, общественные организации и движения, профсоюзы и т.д.) и иные институты гражданского общества (например, институты власти местного самоуправления), которая имеет жесткую привязку к социокультурному и территориальному пространству. Кроме того, государственная власть, как отмечалось выше, всегда реализуется в строгих легальных формах, режимах и процедурах и предусматривает возможность властных форм принуждения, что является одним из фундаментальнейших отличий данного вида публичной власти. Понять функционирование государственной власти в современном государственно-паровом процессе, основные формы и режимы государственного властвования, перспективы развития данного феномена вне институционально-нормативного измерения также представляется невозможным.

Итак, государственную власть, с нашей точки зрения, следует трактовать в качестве системы официально признанных (легитимных и легальных) властных практик, процедур и институтов, действующих на основе социокультурно обусловленных идей, образов, символов в определенном политически и территориально организованном пространстве, характеризующейся суверенностью, функциональностью и устойчивостью. В этом плане любая государственная власть территориальна, суверенна, национальна и имеет устойчивый характер.

Заметим здесь, что монопольное право государственной власти на использование легального и легитимного насилия (принуждения) является, конечно, ключевой характеристикой государственной власти, однако, в современных исследованиях, посвящённой властной проблематике аспект насилия (принуждения) постепенно «оттесняется» от характеристики данного феномена. Например, известный политический философ А. Кожев в своем феноменологическом анализе властных отношений формулирует три весьма важных утверждения для понимания публичной власти. *Во-первых*, он обосновывает, что легитимное «употребление власти не только не тождественно использованию силы (насилия), эти два феномена взаимно *исключают* друг друга. Вообще говоря, для употребления Власти следует *ничего не делать*. Обязанность вмешиваться посредством силы (насилия) указывает на то, что Власть отсутствует» [2, 19 – 20]. Данное утверждение в большей степени отражает не столько потенциальное, авторитетное понимание власти, сколько социально-психологическое ее признание, а также существующего порядка, стабильности властных отношений в обществе, исключаяющей негативную реакцию (явного и латентного характера), силовые отношения (господства – подчинения) и т.п.

Далее отметим, что в своей деятельности государственная власть *реализует связь* различных общественных (публичных) ценностей, интересов и потребностей с общим политическим порядком, а также сообразно с ними осуществляет свои функции и направляет развитие политической и правовой системы общества, отдельных политических институтов, формальных и неформальных институтов гражданского общества. Все выделенные выше шесть измерений взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга, складываются не стихийно, а развиваются на определенном национально-историческом фундаменте, и имеют особый, свойственный конкретному обществу *стиль публично-властного мышления*. Все это формирует неповторимый колорит государственной жизни народа, вектор ее развития, который

позволяет не только управленческой элите, но и обществу свою государственно-правовую идентификацию и целостность бытия.

В свою очередь в настоящих исследовательских проектах, анализирующих сущность и социальное назначение государственной власти отчетливо сформировались три основных направления:

1) *прагматическое* связанное с интенсификацией взаимосвязи и взаимозависимости национальных систем государственной власти, при реализации своих внутренних и внешних функций, что предполагает развитие международно-политического и социально-экономического взаимодействия, направленного на обеспечение устойчивости национального политического пространства, базовых институтов, ценностей и т.д.;

2) *унификационное*, предполагает сближение и унификацию властно-политических и правовых форм организации и средств коммуникации, распространение и институционализацию единых юридико-политических стандартов и требований в развитии локальных социально-политических пространств;

3) *космополитическое*, ориентированная на качественную трансформацию политико-правовых форм организации власти, в контексте которой институт государства перестает «создавать общий порядок взаимоотношений» (У. Бек) и стимулирует принципиально новые космополитические принципы организации человеческой жизнедеятельности, которые должны быть концептуально и политически освоены вне старых категорий национального и интернационального.

Литература:

1. *Аверьянов В.В.* Традиция и динамический консерватизм. М., 2012.
2. *Кожев А.* Понятие власти. М., 2006.

УДК 342.5
ББК 67.400

Мамычев А.Ю.

*зав. кафедрой теории и истории российского
и зарубежного права ФГБОУ ВПО «Владивостокский
государственный университет экономики и сервиса»*

Mamychev A.

Head. Department of Theory and History of Russian
and foreign law "Vladivostok
State University of Economics and Service "

Контактная информация: моб. тел. – 89185041864, e-mail: mamychev@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ КАК ПРАВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

The government as a cultural and legal phenomenon

В статье рассматривается сущность и назначения государственной власти как правокультурного феномена, формулируется ее рабочее определение и предлагаются взаимосвязанные уровни ее комплексного познания, а также выделяются современные направления, интерпретирующие эволюцию этого феномена.

The article discusses the nature and purpose of the government as a cultural and legal phenomenon, it is formulated as a working definition, and offered her a complex inter-related levels of knowledge, as well as distinguished contemporary trends, interpreting the evolution of the phenomenon.

Ключевые слова: власть, государство, культура, право, эволюция.

Key words: power, government, culture, law, evolution.